ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ „С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

Воспоминаніе непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ К. С. Веселовскаго.

Для всякаго нравственно и умственно развитаго человѣка одну изъ насущныхъ потребностей составляетъ общеніе съ тою средою, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ. Ему нужно ежедневно знать, чтò дѣлается вокругъ него на бѣломъ свѣтѣ, и при томъ—не изъ одного простаго любопытства, а потому что всѣ его интересы, всѣ его радости и печàли находятся въ неразрывной связи съ движеніемъ вокругъ него жизни общества. Óрганомъ, служащимъ къ удовлетворенію этой потребности, является главнымъ образомъ періодическая печать, такъ что степень развитія ея можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ культурнаго роста самаго общества.

Постепенное развитіе нашей повременной политической прессы, отъ первыхъ ея бѣдныхъ зачатковъ при Петрѣ Великомъ, до настоящаго многообразнаго ея развѣтвленія, еще ждетъ себѣ историка. А исторія эта могла бы быть очень интересна и во многомъ поучительна. Когда исторія разскажетъ, чтò были за люди, которыми эта печать двигалась, въ какихъ находились они внѣшнихъ условіяхъ для своей дѣятельности, и какое имѣли вліяніе на современное имъ общество: то мы получимъ положительные и осязательные факты для сужденія о ростѣ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ гражданской культуры. Можетъ быть, что для такой исторіи, по близости къ намъ наиболѣе интересной, новѣйшей эпохи ея, еще не настала пора, хотя есть примѣры, что для умѣлаго пера возможно и въ настоящее время браться за подобныя темы: довольно указать на полные интереса *Очерки исторіи Русской цензуры*, 1700—1863 (Спб. 1892), въ которыхъ авторъ, А. М. Скабичевскій прослѣдилъ историческія судьбы одной изъ существенныхъ сторонъ литературной жизни въ Россіи, не прибѣгая къ иносказаніямъ, хитрымъ евфемизмамъ и фиговымъ листоч-

камъ. А исторія нашей періодической печати могла бы послужить благодарною темой для изслѣдователей нашей культуры. Сколько бы нашлось въ ней поводовъ для интересныхъ сравненій и сближеній съ исторіею прессы въ другихъ странахъ, наприм. Франціи [1]) или Австріи [2]).

Въ ожиданіи такой исторіи, полезно теперь же подготовлять матеріалы для нея. Въ этомъ убѣжденіи я полагаю, что нелишнимъ для нея будетъ, въ качествѣ матеріала, разсказъ объ одномъ эпизодѣ въ исторіи старѣйшей изъ Русскихъ газетъ—«С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», а именно объ отдачѣ ихъ въ аренду Валентину Ѳедоровичу Коршу съ Января 1863 года. Избираю этотъ эпизодъ, потому что имѣю возможность освѣтить его нѣкоторыми своими личными воспоминаніями, предметомъ которыхъ служатъ

Дѣла давно минувшихъ лѣтъ,
Преданья старины....

хотя и не очень глубокой, однако все же такой, о которой уже позволительно сказать правду, всю правду, безъ прикрасъ и утайки. Къ тому же всѣ лица, являющіяся въ моемъ разсказѣ, болѣе или менѣе давно сошли въ могилу. Въ то время, о которомъ я говорю, наша теперь сташестидесятисемилѣтняя газетная старушка еще принадлежала ученой старушкѣ—Академіи Наукъ, въ видѣ доходной статьи, назначенной для покрытія части расходовъ на ея содержаніе.

Извѣстно, что до введенія, съ 1863 года, нынѣ дѣйствующихъ правилъ составленія финансовыхъ смѣтъ и системы единства кассъ, только часть расходовъ на содержаніе Академіи Наукъ покрывалась отпускомъ суммъ по штатнымъ положеніямъ изъ Государственнаго Казначейства; для остальныхъ же потребностей, и въ томъ числѣ для расходовъ по изданію ученыхъ сочиненій, по снаряженію ученыхъ путешествій и экспедицій и другихъ подобныхъ предпріятій на пользу наукъ, ей предоставлялось самой извлекать нужныя средства изъ назначенныхъ ей для этой цѣли доходныхъ статей, какъ-то: Типографіи, календарной привилегіи и газеты «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», съ казенными и частными объявленіями. Изъ этого понятно, что попеченія о ея самыхъ существенныхъ интересахъ обязывали Академію заботиться объ извлеченіи изъ права изданія «С.-Петербургскихъ Вѣдо-

---

[1]) Для сравненій съ Франціей можно найти любопытныя данныя въ сочиненіи *Eugène Hatin*, Histoire politique et littéraire de la presse en France, 1859.

[2]) E. V. *Zenker*, Geschichte der Wiener Journalistik von den Anfängen bis zum Jahre 1848. Wien. 1892.

мостей» наибольшаго дохода, и поэтому она издавна признала наиболѣе выгоднымъ для себя способомъ пользоваться этимъ правомъ отдачею газеты въ аренду. При этомъ главною задачею и обязанностію Академіи было пріискать для арендованія Вѣдомостей такое лицо, которое своимъ литературнымъ талантомъ и умѣніемъ вести дѣло могло бы доставить газетѣ наибольшее распространеніе и значеніе, отвѣчающее современнымъ требованіямъ образованнаго общества. Но, разъ сдѣлавши такой выборъ и сдавши изданіе газеты въ аренду, Академія не имѣла права вмѣшиваться, и дѣйствительно никогда не вмѣшивалась, въ дѣла редакціи въ отношеніи внутренняго содержанія и направленія газеты, такъ какъ подобное вмѣшательство противорѣчило бы сущности аренднаго контракта. Эти замѣчанія да послужатъ къ оцѣнкѣ полемическихъ пріемовъ, бывшихъ въ прежнее время въ ходу у нѣкоторыхъ óргановъ печати, которые не считали неумѣстнымъ при своихъ перебранкахъ съ «С.-Петербургскими Вѣдомостями» примѣшивать имя Академіи Наукъ.

Ранѣе 1863 года эти Вѣдомости выходили въ свѣтъ, въ теченіе болѣе 25 лѣтъ, подъ редакціею Очкина.

Амплій Николаевичъ Очкинъ, человѣкъ въ высшей степени честный и благородный, не отличался талантливостью. Отъ него не осталось ни одного самостоятельнаго литературнаго труда, если не считать множество переводовъ, которыми онъ наполнялъ журналы 30-хъ и 40-хъ годовъ. Одно время онъ издавалъ «Дѣтскій Журналъ». Къ нему могъ бы быть вполнѣ примѣненъ нелестный отзывъ Пушкина о Петербургскихъ литераторахъ его времени, что это были по большей части не литераторы, а предпріимчивые и смышленые литературные откупщики. Сперва Очкинъ былъ только редакторомъ (на жалованьи) «Петербургскихъ Вѣдомостей», когда онѣ еще издавались самою Академіей, а потомъ получилъ газету въ арендное содержаніе, соединяя въ себѣ званіе и редактора, и издателя. Послѣдній контрактъ его съ Академіей былъ заключенъ 28 Декабря 1856 года, срокомъ на шесть лѣтъ, т. е. по 31 Декабря 1862 года. Очкинъ велъ редакторское дѣло «акуратно и благонамѣренно», не ссорился съ своимъ цензоромъ [3]), такъ какъ онъ и самъ былъ прежде цензоромъ; понимая свое время и будучи по природѣ человѣкомъ смирнымъ, и даже смиреннымъ, онъ

---

[3]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» до 1848 г. издавались безъ цензуры; но въ этомъ году, въ числѣ другихъ мѣръ усиленія надзора за періодическою печатью, и имъ данъ, съ 9 Апрѣля, цензоръ. См. Воспоминанія С. Д. Полторацкаго въ «Русской Старинѣ» 1892 г., Іюль стр. 46.

былъ самъ, для своей газеты, строже всякаго цензора. При этомъ конечно онъ не могъ придать «Вѣдомостямъ» особой жизни и значенія, и, если свою аренду, впрочемъ весьма умѣренную [4]), онъ долгое время уплачивалъ исправно, т. е. другими словами—велъ дѣло не безъ выгоды для себя, то единственно благодаря тому, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» были долгое время вполнѣ защищены отъ всякой конкуренціи [5]). Но эта вольготная для редакціи пора постепенно, незамѣтно смѣнялась иными днями: съ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ литература стала оживляться, печатному слову понемногу давалось болѣе свободы, начали появляться новыя періодическія изданія, и къ ежедневнымъ газетамъ ходъ времени предъявлялъ новыя требованія, тогда какъ самъ Очкинъ старѣлъ, сталъ одолѣваемъ старческими недугами и, послѣ случившагося съ нимъ параличнаго припадка, былъ вынужденъ ежегодно въ лѣтніе мѣсяцы ѣздить для леченія за границу, на минеральныя воды. Въ этихъ обстоятельствахъ онъ взялъ себѣ въ помощники А. А. Краевскаго, съ которымъ и заключилъ частный контрактъ. Этотъ контрактъ, какъ частная между ними сдѣлка, былъ заключенъ помимо Академіи, которой содержаніе его и было неизвѣстно. Кажется, по заключеніи такого контракта, Очкинъ былъ только по имени редакторомъ газеты, а въ дѣйствительности редактировалъ, а можетъ быть и издавалъ ее, Краевскій; но до этого Академіи не было никакого дѣла, такъ какъ всѣ обязательства контрагента по отношенію къ ней въ точности исполнялись. Краевскій, я думаю, видя въ Очкинѣ человѣка отжившаго, разбитаго параличемъ, не упустилъ бы, если бы могъ, перевести на свое имя весь контрактъ его съ Академіею; но дѣло въ томъ, что едва ли онъ въ то время могъ получить на такую передачу разрѣшеніе со стороны цензурнаго вѣдомства, у котораго еще съ 1848 года состоялъ онъ подъ интердиктомъ [6]), такъ что когда въ 1855 г. Очкинъ на три лѣтнихъ мѣсяца уѣзжалъ за границу лечиться, непремѣнный секретарь Академіи получилъ отъ вице-президента князя С. И. Давыдова предложеніе о томъ, что министръ народнаго просвѣщенія (въ вѣдомствѣ котораго тогда находилась цензура), разрѣшивъ поручить статскому совѣтнику Краевскому на время отсутствія Очкина всѣ обязанности редактора и

---

[4]) Онъ платилъ Академіи за право изданія по 13,000 р. въ годъ, и сверхъ того по 1 рублю за каждый годовой экземпляръ газеты свыше 5.000 экземпляровъ.

[5]) Въ то время еще не утратилъ силы циркуляръ графа Уварова по цензурному вѣдомству отъ 1 Октября 1836 г., запрещавшій входить съ представленіями о разрѣшеніи новыхъ періодическихъ изданій.

[6]) См. „Русская Старина», 1892, Іюль, Воспоминанія С. Д. Полторацкаго, стр. 46.

издателя «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», предложилъ имѣть за редакціею Вѣдомостей *самое строгое наблюденіе.* Конечно, это была только канцелярская отписка, pour acquit de consience (такъ какъ какія же непремѣнный секретарь имѣлъ средства для такого наблюденія?); но такое распоряженіе во всякомъ случаѣ несомнѣнно показываетъ, что Краевскій не былъ persona grata у тогдашняго цензурнаго вѣдомства.

При этихъ обстоятельствахъ, въ виду предстоявшаго истеченія срока контракта съ Очкинымъ (31 Дек. 1862), Академія должна была заблаговременно позаботиться о томъ, чтобы передать газету въ болѣе способныя руки, чтобы въ то время, когда подготовлялись великія реформы государственныя, открывались новые горизонты для общественной дѣятельности и зарождалась у насъ публицистика, имѣть во главѣ редакціи человѣка, который сдѣлалъ бы изъ старѣйшей Русской газеты орган, отвѣчающій требованіямъ времени [7]). Въ охотникахъ сѣсть на редакторское кресло послѣ Очкина недостатка не было, особенно между чиновниками и такого сорта претендентами, которые готовы были, за неимѣніемъ литературныхъ заслугъ, проложить себѣ дорожку путемъ протекціонизма. При этомъ случаѣ нельзя не вспомнить съ глубокою признательностью о графѣ Д. Н. Блудовѣ. Высоко цѣня Академію, онъ никогда не оказывалъ на нее какого-либо давленія, въ угоду какихъ бы то ни было вліяній на него со стороны. По отличавшемуся его возвышенному чувству справедливости, онъ во всѣхъ дѣлахъ, связанныхъ съ честью Академіи, оказывалъ ей полное довѣріе и предоставлялъ ей самой свободно рѣшать всѣ тѣ самые существенные и деликатные вопросы, по которымъ она одна несла отвѣтственность. Когда я, по своей должности, въ первый разъ докладывалъ ему дѣло о газетѣ и спросилъ, не имѣетъ ли онъ въ виду кого либо, кому онъ считалъ бы желательнымъ поручить редакцію, то графъ Блудовъ сказалъ мнѣ, что онъ предоставляетъ Академіи поискать достойнѣйшаго, полагаясь вполнѣ на ея выборъ, но не желаетъ стѣснять Академію какимъ-либо съ своей стороны указаніемъ, *лишь бы только не былъ ею предложенъ въ редакторы Краевскій;* это произнесъ онъ съ особымъ удареніемъ, которое давало знать, что это не мимолетная фраза. Тогда я обратилъ вниманіе Блудова на то, что

[7]) Что такимъ человѣкомъ не могъ быть и физически и умственно отжившій Очкинъ, въ томъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказалъ всего лучше самъ же Очкинъ, когда, по прекращеніи своего контракта съ Академіею, онъ затѣялъ издавать новую ежедневную газету «Очерки», жалко просуществовавшую всего съ небольшимъ три мѣсяца (съ 1 Января по 8 Апрѣля 1863 года); а черезъ два года и самъ Очкинъ скончался, 12 Марта 1865 года.

лучшею большою политическою газетою были тогда «Московскія Вѣдомости», что своимъ превосходствомъ они, конечно, обязаны таланту ихъ редактора М. Н. Каткова, а такъ какъ газета издавалась тогда еще за счетъ университета, съ платою редактору жалованья, то Катковъ могъ бы имѣть для себя болѣе выгоды отъ изданія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» на арендномъ правѣ, и поэтому, можетъ быть, согласился бы переселиться въ Петербургъ и взять въ аренду Академическую газету. Эта мысль очень понравилась графу Блудову; онъ поручилъ мнѣ написать объ этомъ Каткову въ Москву и передать ему отъ имени графа предложеніе о принятіи въ его руки изданія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Вернувшись къ себѣ, я тотчасъ же написалъ Каткову и, не будучи съ нимъ знакомъ лично, но зная, что онъ человѣкъ знающій себѣ цѣну, я постарался не просто передать ему предложеніе, но вмѣстѣ облечь его въ такую форму и обставить такими аргументами, которые могли бы подѣйствовать на рѣшеніе принять предложеніе. Но со времени отправленія этого письма прошло около шести мѣсяцевъ, а отъ Каткова, къ изумленію, не было ни отвѣта, ни привѣта. Такое молчаніе нельзя было иначе понять, какъ за отказъ. Сама собою представлялась догадка, что Катковъ не рѣшается перенести всю свою дѣятельность изъ Москвы въ Петербургъ. А между тѣмъ время летѣло, и долѣе медлить рѣшеніемъ дѣла о газетѣ не было возможно. Тогда явилась мысль о Валентинѣ Ѳедоровичѣ Коршѣ. Его въ Академіи лично не знали; но на него, какъ на желаннаго кандидата, указывало то обстоятельство, что онъ, какъ помощникъ Каткова по редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», конечно имѣлъ немалое участіе въ трудахъ, доставившихъ этой газетѣ ея выдающееся положеніе въ Русской тогдашней прессѣ. Въ этихъ соображеніяхъ было, по порученію графа Блудова, писано Коршу, который, вмѣсто того, чтобы перекидываться письмами, тотчасъ же пріѣхалъ изъ Москвы и подалъ графу Блудову, 23 Января 1862 года, записку объ условіяхъ, на которыхъ онъ соглашался принять на себя изданіе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Между тѣмъ, Блудовымъ получено было 16 Апрѣля того же года увѣдомленіе отъ министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, что по всеподданнѣйшему докладу его о порядкѣ отдачи въ аренду «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ предоставить графу Блудову отдавать эти Вѣдомости собственною его властію лицамъ по его избранію и на усло-

віяхъ, какія онъ признаетъ правильными [8]). При этомъ Головнинъ просилъ увѣдомить его, въ свое время, *только для свѣдѣнія*, кому и на какихъ условіяхъ будетъ предоставлено изданіе Вѣдомостей съ 1-го Января 1863 года. На этомъ основаніи проектъ контракта съ Коршемъ былъ утвержденъ графомъ Блудовымъ 28-го Апрѣля 1862 года, срокомъ на шесть лѣтъ, съ 1-го Января 1863 по 31 Декабря 1868 г.

Прошло затѣмъ нѣсколько дней, вдругъ графъ Блудовъ потребовалъ меня къ себѣ. Когда я явился, онъ сказалъ мнѣ: «Вотъ Катковъ пріѣхалъ изъ Москвы, зашелъ къ Антонинѣ [9]), которая проситъ отдать ему «Петербургскія Вѣдомости». Я этого сдѣлать не могу, такъ какъ я уже далъ слово Коршу; но я готовъ доставить ему вознагражденіе въ иномъ видѣ: повидайтесь съ нимъ и предложите ему, не хочетъ ли онъ взяться издавать отъ имени Академіи ученый журналъ въ родѣ Парижскаго «Journal des Savants», при чемъ мы бы могли предоставить ему нужныя средства. А между тѣмъ онъ незнакомъ министру народнаго просвѣщенія и желаетъ быть ему представленнымъ. Вы хорошо знакомы съ А. В. Головнинымъ: такъ съѣздите къ нему съ Катковымъ и представьте его министру».

Такъ и было сдѣлано. Я заѣхалъ за Катковымъ въ гостинницу, въ которой онъ остановился, и привезъ его къ Головнину, который жилъ тогда на Гагаринской пристани. Представленіе было не длинное и ограничилось обычнымъ въ этихъ случаяхъ обмѣномъ фразъ. Головнинъ, который, съ близкими ему людьми и въ интимномъ кругу всегда былъ привѣтливъ и утонченно-любезенъ, почему-то, когда говорилъ какъ министръ съ людьми мало ему знакомыми, старался принимать на себя видъ какой-то напускной важности, которая мало шла къ его внѣшности. Этимъ ли, или чѣмъ другимъ, только на Каткова произвелъ онъ впечатлѣніе невыгодное. Когда мы вышли отъ министра, Катковъ тутъ же коротко сказалъ мнѣ: «*а не нравится мнѣ вашъ Головнинъ*».

Сдача съ 1863 года «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» въ аренду Коршу повлекла за собою два эпилога. Для Каткова она была поводомъ просить и получить въ арендное содержаніе «Московскія Вѣдомо-

---

[8]) Этимъ отмѣнялся существовавшій дотолѣ порядокъ, по которому объ отдачѣ Вѣдомостей въ аренду Академія входила съ представленіями къ министру народнаго просвѣщенія, а тотъ представлялъ въ Комитетъ Министровъ.

[9]) Графиня Антонина Дмитріевна Блудова, жившая съ отцомъ и всегда живо интересовавшаяся Русскою литературою.

сти», которыя онъ прежде издавалъ только какъ редакторъ на жалованьѣ, за счетъ университета, и создать, одною силою своего таланта, ӧрганъ печати небывалаго до того времени значенія. Въ немъ онъ явился систематическимъ и сильнымъ противникомъ Головнина. А Краевскій нашелъ себѣ дорогу къ сердцу министра народнаго просвѣщенія и при его поддержкѣ основалъ свою ежедневную политическую газету «Голосъ», съ характеромъ офиціоза Министерства Народнаго Просвѣщенія, который однако не смогъ защитить Головнина отъ страстныхъ нападокъ Московской газеты, но за то съ самаго своего основанія радушно открылъ свои столбцы, вѣроятно въ интересахъ народнаго просвѣщенія, безпрестаннымъ и всяческимъ нападкамъ на Академію Наукъ.

Нѣсколько позже вотъ какъ объяснялъ А. В. Головнинъ свои отношенія къ «Голосу». Въ письмѣ къ его непремѣнному секретарю Академіи отъ 20 Ноября 1863 года сказано: «Особыя отношенія этой газеты къ Министерству Народнаго Просвѣщенія заключаются въ томъ, что, по представленію министерства, г. Краевскому было разрѣшено издавать газету «Голосъ» *вслѣдствіе того, что „С.-Петербургскія Вѣдомости“ переданы были г. Коршу безъ соблюденія тѣхъ обыкновенныхъ условій приличія, на которыя имѣлъ полное право прежній редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“*». Это очевидно писалось безъ всякой провѣрки, со словъ самого Краевскаго; а справедливо то, что относительно его не было со стороны Академіи ни малѣйшаго нарушенія какихъ бы то ни было приличій, по самой простой причинѣ, что онъ для Академіи и не былъ редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»: если онъ, на время отлучекъ Очкина заграницу, и исполнялъ его обязанности, то эта была частная сдѣлка между ними, а для Академіи Краевскій былъ въ редакціи газеты лишь закулиснымъ дѣятелемъ, съ которымъ она не имѣла никакого дѣла и въ отношеніи къ которому не имѣла никакихъ обязательствъ.

К. Веселовскій.